

А. МУНИН

**ХУДОЖНИКИ -
ВОЛОГЖАНЕ**

К. 1265995

Вологодское Книжное Издательство

1959

ХУДОЖНИК АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

Целитель Пантелеймон

Вечерняя мгла скрывает потемневшие от сырости скученные крыши домов Красноборска. С Двины тянет весенним холодком. Здесь, на высоком берегу, около церкви, он особенно ощутим. На паперти жмутся нищие старухи. Мимо них торопливо проходит молодая женщина, таща за руку мальчика. Служба давно началась. Протиснувшись к свечному ящику, женщина купила за грош тоненькую свечку, сунула мальчику в руку.

— Молись, Санюшка, молись целителю Пантелеймону, вто он тебя от хвори избавил, от смерти спас!

В толпе нельзя рукой шевельнуть. От исхода делать Санька стал рассматривать блестящий лаком лик целителя Пантелеймона. У святого красивое лицо, тонкие женственные персты. В одной руке он держал ларец, в другой — ложечку. Лицо живое, а глаза настолько выразительны, как будто видели Саньку насквозь.

Санька вздрогнул. Свеча выпала из рук. Мать резко дернула за белый, козьего меха воротник. Снова проплыло красивое лицо Пантелеймона, его глаза... вот он открывает губы... смеется... и все исчезло.

Мать с трудом вынесла сына на свежий воздух.

Опять болезнь... Опять горькая выпаренная трава, наговорное шептание знахарки Анисьи, слезы матери.

И тогда Санька повертывался к стене, закрывал глаза и думал о своем: о кладе, будто бы зарытом мельником в землю, — хорошо бы его найти, — о птицах с железными носами. Но о чем бы ни мечталось, перед ним ярко вставал образ Пантелеймона. Подражая иконе, Санька изрисовал много старых газет, облепил картинками всю стенку, а красивое лицо целителя будто дразнилось: «Не выходит! Не выходит!»

Так постепенно Санька привык к карандашу и бумаге. — Только выздоровел бы сынок мой милый, в Соловки пойдем, Зосиме и Савватию в благодарность послужим, — вытирая глаза концом фартука, причитала мать.

Болезнь наконец отпустила. Что может сравниться с чувством выздоравливания? Все равно что стоишь у распахнутых дверей и весь мир перед тобой. Все для тебя: и аромат полевых цветов, и эти синеющие вдали леса, и голубое бездонное небо. А вечерами, когда все лягут спать, бумаге и карандашу поверять свои радости, рассказывать о том, что видел, о чем думал, мечтал. «Достал я себе книжку «Родное слово» и со всей страстью юного сердца стал рисовать. Рисовал по ночам, при дымной лампе, так как днем надо было работать, помогать отцу. Да и ночью рисовать редко позволяли: попусту, мол, жгу керосин, да и спать не даю».

Мечты и действительность

— Как имячко-то святое? — Невысокий монах пригладил давно не стриженные волосы мальчика.

— Санькой кличут, — шмыгнул носом.

— По обету или как?

— По обету, отец. На годик к Зосиме и Савватию, за излечение от хвори, — торопливо за Саньку ответила мать.

— Годков-то сколько?

С. В. Малютин. «Портрет художника». (Пастель). 1919.

— На Благовещение пятнадцать будет. — Мать поправила сползавшую с плеч котомицу.

— Иди, болезная, с отроком к святым вратам, там годовиков собираем.

Рабочие, в выгоревшей на солнце одежде, канатами подтянули к пристани пароход «Вера», битком набитый богомольцами. Юрко сновали в толпе монахи, привычно сортируя вновь прибывших по внешнему облику и багажу.

Над набережной возвышались замшевые валуны стен Соловецкого монастыря, три башни и зажатая между ними арка Святых ворот с образом Нерукотворного Спаса, за стенами — зеленые чешуйчатые маковки церквей.

До десятка подростков, присмиривших от необычайной обстановки и шума, ожидали определения на работы.

К вечеру, когда сутолока утихла, а пароходы сделали последний рейс, их повели во внутренний двор, мимо насаженных берез, рябь, мимо гнезд жирных чаек — к отцу эконому.

Саньку Борисова одели в белую полотняную рубаху, подпоясали шнурком и отправили в Савватиевскую пустынь на рыболовную тоню.

Ясные летние дни... На Белом море легкая зыбь. Даже мрачные гранитные глыбы небольших островков, поросших кустарником, и те кажутся по-особенному праздничными и легкими.

Но что это? Над островами в воздухе видны горы, деревья, течет ручей. Появляется еще остров. Откуда он взялся? До него рукой подать. Плыдем к нему! Сильней нажимаем на весла!.. Но пропал остров.

Пряча хитрую улыбку в усы, местный житель говорит:

— Надысь на этом самом месте нам тож острова показались. Это миражи... Беломорские миражи...

Утомительными кажутся в первый раз летние соловецкие дни. Нет им конца и края. Спрячется за горизонт

солнце, пора бы наступить ночи, а ее нет. Светло. Небо белесое, без облаков. Сон не идет. Стараешься закрыть набухшие от бессоницы веки, а они против воли открываются и снова глаза смотрят туда, где утреннее солнце акварелью окрашивает предметы в оранжево-огненный цвет. Зато тот, кто почувствовал прелесть белых ночей, никогда и нигде их не забудет.

Для Саньки все здесь было необычайно интересно: и жизнь, и люди, и ощущения. Небольшой артелью рыбаков они бродили по лесным озерам или выходили в море на ловлю пикши и семги. Иногда Санька заглядывал на монастырскую мельницу, лесопильню, литейню, где полуголые, суровые люди, обливаясь потом, метались в огненных искрах. Потом рисовал, рвал и снова смотрел.

Когда осень срывала с деревьев листья, а с Ледовитого океана потянуло холодом, мальчик незаметно для себя пристрастился к книгам. Не беда, что внутри дырявой палатки гуляет ветер, а в животе постоянно урчит, — перед ним открывалась заманчивая жизнь, полная опасностей и приключений, и он, Санька, жил этой жизнью. Образы известных путешественников, о которых он прочитал, смешались с образами легендарных героев: Ложкина, Пахтусова, Розмыслова, чьи имена передавались из уст в уста, от поколения к поколению. В воображении вместе с ними он зимовал под черным небом полярной ночи; переживал все ужасы и страхи людей, плывущих в открытом море на маленькой льдине; представлял Новую Землю и Груманд высоченной льдиной и почему-то обязательно в багряном освещении, словно где-то внутри их горел яркий вулкан...

Среди северян исстари ходило много правдивых и фантастических рассказов о Груманде (Шпицбергене) и Новой Земле. Богатые промыслы этих мест давно привлекали смельчаков. Небольшими партиями они плавали туда за зверем и рыбой, но, плохо обеспеченные, большей частью

гибли от цинги. Но даже смерть не могла остановить русского человека. Не дремали и иностранцы. В 80-х годах они усиленно искали способа захватить в свои руки Новую Землю, как захватили Груманд. Царское правительство было равнодушно к судьбе островов. Чиновники не принимали почти никаких мер, чтобы удержать их за Россией.

В то время, когда Борисов был в Соловецком монастыре, вопрос о Новой Земле занимал всех, кому были дороги интересы Родины: рыбаков, интеллигенцию и даже монахов. Ожили старинные легенды: песни и сказания о Севере. И будущий художник грезил путешествиями в загадочные ледяные страны.

Этой мечте способствовала встреча мальчика со знатком Севера иеромонахом Ионафаном, о котором позднее художник вспоминал с большой теплотой и благодарностью.

Высокий, жилистый, с быстрыми движениями, отец Ионафан в отличие от других монахов имел хорошее образование. Миссионером проповедуя православную веру, он рисковал забираться в самые отдаленные уголки Крайнего Севера, а когда началась Балканская война (1877—1878 гг.), пошел добровольцем на фронт, полковым священником. Умный иеромонах предугадал в неуклюжем на вид деревенском мальчишке что-то незаурядное, а любовь Борисова к Северу согрела сердце старого человека. И отец Ионафан охотно проводил с Санькой время, по возможности занимался с ним, разрешал брать книги из своей личной и монастырской библиотеки.

Незаметно прошел год. Пора возвращаться к крестьянским делам, к родителям.

Деревня Глубокий Ручей, Сольвычегодского уезда, Вологодской губернии, прилепилась темным пятном деревянных изб на высоком берегу Северной Двины. Жители деревни — полукрестьяне, полурыбаки — недоедали во все времена года. У них, как говорили на Двине, с одной сторо-

ны река, с другой — глина, с третьей — мох, а с четвертой — ох! Всеной надеялись на урожай, летом на кормилицу реку, осенью и зимой мужчины шли в батраки, а женщины и дети надевали котомки и шли Христа ради.

Так повелось с незапамятных времен.

...Зима, как всегда, наступила сразу. Тучи нагоняли сухой, колючий снег, наметывая сугробы. Вместе с холодом пришла и нужда. Неурожайный год показал голодные зубы.

Санька на самодельных лыжах уходил на берег Двины. Подставив разгоряченное лицо ветру, думал об одном: «Бежаты! Бежаты! Хорошо бы сделаться матросом, потом механиком — и туда, на Новую Землю!..».

За рекой устюгский купец Игашев валил лес. За мутную похлебку и кусок хлеба работали ручьевцы. Гудел лес, цепляясь за сучья соседних деревьев, падали великаны-сосны, обсыпая снегом согнутые спины рубщиков. Набив на руках кровавые мозоли, Санька не раз вспоминал лесопильню Соловок. Хорошо бы построить такую же в деревне.

С прилетом грачей в углу дровяного сарая закипела работа, строилась модель лесопилки.

С утра было душно, парило. Увлеченный работой, Санька не слышал игры гармошки и призывного смеха девчат, не видел злых взглядов отца.

И гроза пришла...

Под вечер раздраженный пьяный отец вошел в сарай. Не помня себя, он ломал, втаптывал в землю любовно пригнанные рейки, ремни почти готовой модели...

Подпоив волостного старшину и отдав ему почти новые кожаные сапоги, Санька втайне выправил паспорт, нанялся уборщиком на пароход, идущий в Архангельск... И вот родные берега расплылись в тумане... мелькнула верхушка скворешни...

Кончилось отрочество.

«Как знать, может, второй Верещагин из тебя выйдет!»

Четыре дня Борисов бродил по Архангельску, нанимался матросом, кочегаром на пароход — отказывали: молод, руки слабые. Идти учиться? Нет денег. Деньги, деньги, деньги! Остается одно — монастырь.

...Санька поведал Ионафану о бегстве из родительского дома. Зная большую любовь Саньки к рисованию, Ионафан завел разговор об искусстве, о пользе, какую приносят людям живописцы. В дни войны на Балканах он встречался со знаменитым художником Василием Верещагиным. Потом на выставке, в Петербурге видел его картины, полные беспощадной правды. Санька внимательно слушал, широко раскрыв глаза.

— А сейчас, — сказал в заключение Ионафан, — ступай в иконописную мастерскую, многие из больших русских художников начинали с этого. На это я и благословляю тебя! Как знать, может быть, второй Верещагин из тебя выйдет!

Через неделю Санька стоял перед серым длинным зданием трапезной, где помещалась иконописная мастерская.

«Как знать, может, второй Верещагин из тебя выйдет!». Санька улыбнулся... «Второй Верещагин!»

Резко толкнул тяжелую дверь. Пахнуло скипидаром и олифой. В мастерской со сводчатым потолком работали человек двадцать. Сидели за длинным столом и у окна. На гвоздях, вбитых в стену, висели бумажные переводы ликов пророков, святых и трафареты узоров. В углу на мраморных досках мальчики растирали краски.

Началась новая жизнь. Юноша Борисов быстро освоил искусство смешения красок, способы наложения их на доску, а по ночам рисовал с натуры. Упорный, настойчивый труд увенчался успехом, а с ним пришло острое желание —

учиться, поехать на берег Невы, где красуются древние сфинксы и здание с надписью «Свободным художествам», — поехать в Петербург.

Однажды нарочный доставил архимандриту большой пакет. На сургучных печатях оттиснут двуглавый орел. Засуетилось, забегало встревоженное монастырское начальство, очистились, прихорашивались Соловки. Повсюду шептались о скором приезде августейших гостей — родного брата царствующего императора, великого князя Владимира Александровича с супругой.

В иконописной мастерской для показа августейшему гостю выставили лучшие работы.

И вот гости в мастерской. Малиновый звон серебряных шпор сопровождал каждое движение великого князя. Он был рассеян. Холодные глаза скользили по фигурам мастеров, иконам, ученическим работам.

Князь подошел к Марии Павловне, с любопытством заглянувшей на работу Борисова. Кажется, их высочество что-то изволили спросить... улыбнуться...

Мария Павловна кивнула головой на послушника. Высокий покровитель искусств сдержанно похвалил работу и скромность ученика, покровительственно дал совет послать работы в Санкт-Петербург, на имя ректора Академии художеств, и повернулся к выходу.

Августейшее внимание к юноше поэт К. К. Случевский¹⁾, призванный описать северное путешествие великого князя, отметил так: «В мастерской Его высочество обратил свое внимание на молодого послушника, стоявшего за работой, самоучка, он несомненно обладает хорошим пошибом руки».

В редких случаях высокопоставленные особы считают

¹⁾ К. К. Случевский — редактор Правительственного вестника.

обязанными не забывать обещания. Забыл о Борисове и великий князь.

Прошел год. Ответа из Петербурга не было. Снова пишет в Академию, августейшему Президенту, умоляет дать ему хоть надежду на возможность учиться.

Молчание...

И еще год прошел. Больше он не мог жить в монастыре. Запасшись рекомендательным письмом отца Ионафана, Борисов отваживается ехать в Петербург.

Учение

Вспоминать о первых годах жизни в Петербурге Александр Алексеевич не любил. И стоило только кому-нибудь заговорить об этом, художник начинал нервничать. Усы сердито топорщились.

Да и за что было любить эти воспоминания? Нередко, бродя вечерами по столичным улицам, заглядываясь на витрины освещенных магазинов, на улыбающихся нарядных барынек, он думал: «Вот-вот вдруг всё изменится». А это «вдруг» не приходило. Надежда сменялась отчаянием, тоской. Мир казался до смешного маленьким и чужим.

Наконец-то ему повезло: допустили в классы рисования Общества поощрения художеств. Потом — Академия, мастеровская И. И. Шишкина, затем А. И. Куинджи. Кто хотя бы один раз встречал Архипа Ивановича Куинджи, у того надолго оставалась в памяти его южного типа высоко закинутая назад голова. Она запоминалась не изяществом, не тонкими чертами, а благородством. Все в его облике говорило о красоте человеческого сердца. Прекрасный художник, влюбленный в природу и искусство, Куинджи был любимым педагогом учащейся молодежи.

Все это время Борисов думал о поездке на Север, но замысел держал в секрете. Каково же было удивление прия-

телей, когда он заявил о желании писать конкурсную картину за полярным кругом, на Новой Земле.

Слух о необыкновенной теме разошелся по академии. Одни смотрели на Борисова, как на чудака, другие, более осторожные, советовали не рисковать конкурсом, третьи, особенно новички, явно симпатизировали этому немного хмурому, малоразговорчивому человеку. Только Архипу Ивановичу решение Борисова не показалось странным. Хитро сощурившись, он кивнул головой, одобрительно похлопав ученика по руке.

В летнее время большинство «куинджистов» отправлялось на «академическую дачу» в Крым, в Ненли-Чукур. Ежегодный маршрут Борисова — Белое море, Соловецкие острова. Обычно оттуда он привозил пачки этюдов и рисунков родной ему суровой природы Севера.

В свою деревню, где он родился, на Северную Двину, Александр Борисов долго не решался поехать. А поехать хотелось, хотелось увидеть мать, поговорить с ней. Он стеснялся. Чего — трудно объяснить. Наконец не выдержал, купил новый костюм и поехал.

Встретили холодно, отчужденно. Отец, сильно постаревший, был смущен неожиданным приездом. Мать суетилась от стола к печке, называла сына «Вы...», «Александр Алексеевич...», раболепно заглядывала в глаза, поминутно вытирая лицо и руки фартуком. Брат Петр, кривя губы в усмешку, завидуя, осмотрел городскую одежду, обувь, даже этюдник и, чтобы посмеяться над «столичным» братом, надел его светлый костюм и пошел чистить хлев.

Разбитый, неудовлетворенный Александр Борисов бродил по берегу Двины, по непроходимым лесам, но ни одного этюда, ни одного штриха.

Лето было испорчено. На этот раз, впервые на осенний просмотр, Борисов «не собрал летнего урожая», т. е. приехал без этюдов.

Наконец, долгожданный предконкурсный 1896 год. Старшие «куинджисты» разъезжались собирать материалы для картин: Вроблевский — на Карпаты, Рушиц — в Вильно, Рерих — на археологические раскопки в Тверскую губернию, Пурвит — в Латвию, Вагнер — в Финляндию, Рылов — на Орловщину. Раньше всех уехал Борисов. Путь его лежал на Мурман, к норвежским берегам и на Новую Землю.

За полярным кругом

Архангельск с его купцами, подрядчиками, возчиками, богомольцами остался далеко позади. Белое море дышало прохладой...

Внизу около бочек и ящиков, на заплеванном полу, сидели и лежали переселенцы на Коу. От махорки, пота, от керосина трудно дышать. Хрипло кашляли, ругались.

Александр Борисов, прислонившись спиной к ящику, рисовал спящую женщину и девочку-подростка. От резкого гудка девочка вздрогнула, широко открыла глаза, замерла... А пароход шумел, как молотилка, дрожал, шлепая по воде плитами, уносил их дальше и дальше, в незнакомые края.

8 июня пароход вошел в Кандалакшский залив.

Над черными от сырости, жалкими домишками, деревянной часовенкой, лодками, перевернутыми вверх днищем, сетями, растянутыми на кольях, нависла туча. Над горизонтом громоздились облака; между тучей и облаками таяла блеклая полоска неба.

Бедность поселилась здесь раньше людей, с ней сжились. Люди отвоевывали у природы богатейший край, каждый день жизни стоил им огромного напряжения сил, и все-таки нужда была сильнее их. Она смотрела из каждого окошка, из-за каждого угла.

И Александр Борисов писал все это. Сельдяные тони, рыболовецкие шняки, гнилые избушки, даже сложенный в

поленницу скудный запас дров — все находило свое место в этюдах и альбомах. Пусть там в Петербурге «люди с утонченным вкусом» пройдут мимо его работ, недоуменно пожимая плечами. Он не может лгать, он должен показать, в каких условиях жители Колы добывают хлеб свой.

Снова в путь. Пароход сменяется лодкой, лодка — лошадами, леса — горами, горы — гранитными скалами седого Мурмана. Впереди — Новая Земля.

Время открытия русскими поморами островов Новая Земля точно неизвестно. По летописям уже в XV веке у их берегов русские люди ловили рыбу, били песца и медведя. В XVIII веке Савва Лошкин одним из первых обошел вокруг Новой Земли. Через несколько лет кормищики Яков Чиракин и Федор Розмыслов достигли пролива Маточкин Шар, разделявшего Новую Землю на Северный и Южный острова. Экспедиция талантливого русского военного морехода Ф. П. Литке (1821—1824 гг.) несколько раз пыталась обогнуть Новую Землю у мыса Желания. Организованная на частные средства экспедиция землепроходца П. К. Пахтусова и штурмана А. К. Цивольки решила обойти Землю с севера, но судно, затертое льдами, погибло. После еще нескольких неудачных попыток подняться к северо-восточным берегам Новая Земля надолго забывается.

Сильные холодные ветры, дожди, туманы, вечные ледники на Северном острове и скудная тундровая растительность на Южном приводили к тому, что на территории в 100 тысяч квадратных километров в конце XIX века жило не более 100 человек ненцев и русских. Два раза в год, в июле и сентябре, когда океан освобождался ото льдов, на Новую Землю ходили суда торговцев и промышленников.

... На третьи сутки утром показался длинный остров. Напряженно вглядываясь, Борисов пытался угадать очерта-

ния берегов, но, кроме покрытых снегом гор, ничего не было видно.

Первая короткая остановка в Белушьей губе, потом — в Малых Кармакулах и, наконец, самое северное поселение организованное восемь лет назад, — Поморское становище.

Выгрузив узлы и чемоданы, художник направился в единственную избу. Несколько ездовых собак лениво смотрели на вновь прибывших...

Вскоре пришел и хозяин избы — ненец-проводник Константин Вылко. Постлали чистые олени шкуры. Художник распаковал узел, достал самовар, чашки, сахар.

Трое сыновей Вылко — Максим, Прерко и Федор промышляли оленей, охотились на песцов, медведей. Младший Илья ¹⁾, шустрый крепкий подросток, помогал отцу.

Подолгу, затаив дыхание, следил Илья Вылко за рукой художника, писавшего этюд. Ему казалось непостижимым, как это вдруг на белой бумаге появлялись изображения гор, воды, снега. Попробовал и сам Илья нарисовать, да только тайком, стесняясь гостя и отца.

Через пять дней Борисов и Константин Вылко отправились в глубь острова.

То каменистая, то глинистая долина, изгибаясь, уходила к высоким горам. С каждым поворотом глаз художника подмечал новые красоты природы, пальцы тянулись к кисти, будто у охотника к ружью при первом подозрительном шорохе или пiske.

Этюды, рисунки удовлетворяли мало.

Новоземельские туманы, дожди, ветры не давали возможности писать на открытом воздухе, а об аппарате со стеклянными пластинками и думать нечего — он был мало полезен. В дополнение неудач — к трудному переходу Бо-

¹⁾ Впоследствии первый ненецкий художник и председатель Островного Совета Новой Земли, ныне персональный пенсионер

А. А. Борисов. «В гостях у самоеда», 1896.
Архангельский краеведческий музей.

рисов не был подготовлен физически. Нередко усталые, продрогший, он валился с ног, едва дождавшись вечера. И только сильная воля заставляла его идти вперед.

Листки календаря показывали приближение осени. Полярное короткое лето кончалось. Остались позади ледники, прорезанные трещинами и пропастями, озера, горные потоки. С высокой, охристо-коричневой горы увидели бухту с полуостровом посредине, еще дальше — воды Карского моря. На берегу — черные пятна отдыхающих тюленей.

Два больших этюда: «Карское море» и «Этюд с моржами» — ознакомили первый выход к Карскому морю.

В становище их ожидали гости из Петербурга. Из Академии наук во главе с Б. Б. Голицыным¹⁾ приехали ученые наблюдать полное солнечное затмение.

Перед отъездом на Большую Землю Борисов написал два этюда со своего проводника Константина Вылко. Один из них (тот, где Вылко идет с ружьем) помечен 27, а другой, с автопортретом, — 31 августа. В просторной избе художник беседует с хозяином, одетым в совик. На столе самовар, по стенам избы развешаны этюды. На полу упакованный чемодан.

В 1905 году Б. Б. Голицын писал художнику:

«Я имел удовольствие познакомиться с Вами как раз на Новой Земле, когда я стоял во главе экспедиции, организованной Императорской Академией наук для наблюдения над полным солнечным затмением, и имел случай лично убедиться, с каким самоотвержением и с какой любовью Вы отдались дорогому Вам делу — воспроизведению в красках всех необычайных прелестей и красот нашей далекой северной окраины...».

¹⁾ Б. Б. Голицын (1862—1916) — выдающийся русский физик, основатель сейсмологии, академик.

В Петербурге

Мастерская Куинджи начала зимний сезон. Работали над дипломными картинами.

Большая комната верхнего этажа разгорожена на отдельные «ложи», с расчетом на каждого конкурента. Огромное полотно Борисова одним концом подрамника упиралось в стену, другим — в узкую дверь, наспех сколоченную из досок и картонных отходов.

По замыслу дипломная картина «В области вечного льда» должна рассказать о не обжитых еще человеком островах Новой Земли. Тяжелый влажный воздух, низко нависшие тучи, свинцово-серая вода, плавающие льды — всё должно быть подчинено одному настроению — суровости и величию природы.

Картина писалась трудно... Художник молча ходит около полотна, курит и курит. Пытается заново пережить свое путешествие, но едва примется писать, всё не то... не то... Вот уже который раз он раскидывает этюды по полу, приставляет к стенке, всматривается, стараясь найти причину неудачи. Напрасно... Борисов решил временно бросить работу над картиной.

Через полтора месяца, когда он пришел в мастерскую, на дверях академии висели тяжелые замки и дежурили городовые.

На углу 8 линии и Невы с утра до поздней ночи в кафе Бернеров подавали горячие сосиски с капустой. С утра до поздней ночи просиживала здесь свободная от занятий художественная молодежь. Заглядывали сюда и студенты университета.

Сегодня в кафе необычно шумно. Огоньки люстр плавают в табачном дыму. Все взволнованы. Звякают кружки, провозглашают тосты «в защиту демократии», «против чиновничьей рутины», размахивают руками.

Борисов искал свободного места. Недалеко от стойки в полном составе разместились «куинджисты». Они особенно возбуждены. Неугомонный Калмыков, подражая голосу ректора академии Томишко, резко закричал на Борисова:

— Вон из Академии! Я научу! Я покажу!..

На недоуменный взгляд Борисова Богаевский рассказал об увольнении из академии Архипа Ивановича Куинджи и о приказе премьер-министра Плеве «закрыть Академию».

Такого Борисов не ожидал. Пока он переживал неудачу своей дипломной работы, в академии произошел настоящий бунт...

Прошел еще день. В академическом садике по свежесвыпавшему снегу мрачно бродили изгнанные ученики.

«Куинджисты» снова собрались у Бернера. Возбуждение улеглось, чувствовали себя спокойнее, увереннее. Решили держаться всем вместе и, вопреки воле начальства, просить Архипа Ивановича считать их по-прежнему своими учениками.

Найдя решение, снова шутили, смеялись. И только принесли по третьей кружке пива, — отдуваясь и разговаривая сам с собой, вошел Куинджи. Архип Иванович сел, он был похож на больного, то и дело вытирал лицо большим клетчатый платком.

— Что вы собираетесь делать?

Заговорили сразу все, перебивая друг друга. Куинджи поморщился, чуть приподнял руку, сказал глухо, сбиваясь больше обычного:

— Вы все должны подать прошение о допущении к занятиям, подать сегодня же. Я знаю, вам не откажут... Я настаиваю на этом!.. Вам нужен диплом, нужна бумажка. В России всюду нужна бумажка, без нее нельзя жить. — Он волновался, ему было трудно говорить. — Если вы меня любите... подайте прошение... А я... как член Совета Академии, я вправе быть с вами, помогать вам!..

За короткое существование в академии мастерской Архипа Ивановича каких анекдотов не рассказывали о «куинджистах» и их профессоре. Но их картины на конкурсной выставке даже недруги вынуждены были признать высокими по уровню профессионального мастерства.

Редким успехом на выставке пользовались картины и этюды Борисова. Первое мужественное вторжение художника в неведомую даль публика приняла с восторгом. Перед ней была не надуманная газетная статья или сухой официальный отчет, а правдивое свидетельство очевидца, взволнованно рассказывающего о русском Севере с его морями, заливами, ледниками, о рыбаках, охотниках, о нищете, язвами истощающей их силы.

Успех картин становится неслыханным, вызывающим изумление, когда полотно «В области вечного льда» и все этюды покупает П. М. Третьяков. Об этом событии в кругу друзей художник вспоминал:

«Мыл я в мастерской кисти. На табуретке ведро с керосином, в руках тряпка. Вбегает Миша Латри.

— Иди скорее, тебя Архип Иванович зовет.

Не знаю почему, но я оробел. И как был с грязными, пахнувшими керосином руками, так и побежал вниз, в античный зал, где выставка. Около моих работ стояли Куинджи, Репин и еще кто-то, я не разглядел.

Подхожу, спрашиваю:

— Архип Иванович, Вы меня звали?

— Нет, — говорит, — не я, а вот Павел Михайлович.

Знакомит с высоким худым человеком. Третьяков! Ахнул я. Вспомнил, что руки у меня грязные, в керосине, покраснел и стал вытирать их не менее грязной тряпкой, которой вытирал кисти, оказавшейся каким-то образом у меня в руках.

— Вы не возражаете, если я куплю ваши вещи, вы их не продали?

Стою я, как оглашенный, не знаю, что и говорить, кругом нас стоят товарищи, смотрят, кое-кто смеется, а я будто языка лишился...»¹⁾).

Не обошлось и без ложек дегтя. Неукротимая, завистливая свора сплетников, эстетов, любителей легкой наживы вначале молчала, потом, будто опомнившись, развила лихорадочную деятельность. Они обвиняли Борисова во лжи, в изготовлении картин по фотографиям, желании разбогатеть за счет искусства и т. д.

Вокруг художника вилась паутина, от которой он полностью так и не мог освободиться до конца жизни....

Прошло четыре года. Борисов только что вернулся в Петербург после зимовки на Новой Земле и по старой привычке поспешил «засвидетельствовать почтение» Медному всаднику и Невскому проспекту.

Осенние сумерки кисеей закрывали здания, решетки моста, клодовских коней. Зажглось электричество, отбрасывая на проспект желтые круги света. Прогремел железом трамвай. Подняв воротники, спешили прохожие.

До мельчайших подробностей знает Борисов город Петра и все же каждый раз жадными глазами любит его им.

В книжном магазине Вольфа Борисов подошел к прилавку новинок. Внимание привлекла книга в сером переплете с графическим портретом И. Е. Репина. «Воспоминания, статьи, письма из-за границы». Просматривая книжку, неожиданно на странице 251 увидел свою фамилию. Прочитал внимательнее: «... очевидно, Россия готовится к поре расцвета своего национального искусства, что всегда связано с подъемом общего значения территории...»

Прошлую весну, лето и зиму один из учеников Академии, уроженец Вологодского края А. А. Борисов, предпринял давно желанную экспедицию на Север, который он лю-

¹⁾ Рассказ записан со слов краснеда Н. И. Орлова.

бит и понимает. Норвегия¹⁾, Мурманский берег и Новая Земля на Ледовитом океане привлекли его воображение. И там, несмотря на все невзгоды, лишения, холод, голод и темноту, при всех неудобствах, он сделал около 150 этюдов этого ужасного края. Это все превосходные и верные, как зеркало, картинки, строго нарисованные и необыкновенно правдиво написанные...»²⁾).

И снова Невский, фонари, туман.

Свернул на Михайловскую площадь.

Сквозь зелень молодых деревьев в неверном свете фонарей белели колонны и фронтоны дворца, создание бессмертного Росси — Русский музей Александра Третьего.

С этюдником по Северу

На деньги, полученные от продажи коллекции картин П. М. Третьякову, Борисов готовился к вторичной, более длительной поездке на Новую Землю. Он решил построить дом и мастерскую у западного устья Маточкина Шара, потом переправиться по проливу на Карскую сторону и по восточному берегу Новой Земли, на собаках, подняться до мыса Желания — самой северной точки островов, составить карту тех мест, найти удобные для стоянки бухты, собрать сведения о промыслах и торговле, а к концу лета вернуться по западному берегу обратно на Маточкин Шар.

Обогнуть северный остров было желанием многих путешественников и исследователей, но на протяжении всего XIX века эту мысль никому не удалось осуществить³⁾. Северная часть острова оставалась неизученной.

¹⁾ В 1894 году А. Борисов, примкнув к экспедиции, снаряженной для поисков стоянки военно-морского флота на Мурмане, обогнул Скандинавский полуостров.

²⁾ Издание Северовой. 1901.

³⁾ В 1910 году мыс Желания обогнул В. Русанов, затем Г. Седов.

Для закалки организма необходимо было пожить зимой под открытым небом, приучить себя в любых условиях собирать материал.

В декабре 1897 года Борисов выехал из Петербурга в Архангельск с целью пересечь побережье Большеземельской тундры и побывать на острове Вайгач.

Путь от Архангельска на Усть-Цильму лежит сквозь огромные лесные массивы и широкие реки. Селение Пустозерск — конечный оседлый пункт у порога Большеземельской тундры. Где-то здесь была великая сеча русских с загадочной «чудью». Здесь томился в XVIII веке непокорный протопоп Аввакум.

Воздух насыщен снегом. Ветер до боли обжигает лицо, дыхание белым облачком клубится у рта. Руки коченеют. На палитре вместо красок образуется густое тесто и ни за что не хочет приставать к полотну.

Правдиво, без прикрас Борисов рисует маленькие, полуразрушенные домики на краю селения, скорее похожие на дырявые сараи, чем на жилые дома. Только церковь темным пятном высится среди бесконечной нищеты и запустения.

То холмистая, то совершенно ровная местность покрыта ослепительно белым снежным покровом. Казалось, ничто не могло нарушить скучного однообразия пустыни, но стоило только солнечным лучам осветить снежный покров, вдруг, словно по волшебству, всё меняется.

Вот оно, сказочное волшебное царство, куда так стремятся люди, да жаль, не знают дороги. Разве рискнуть написать? Нет, здесь нужен особый талант, равный таланту Тёрнера, надо суметь поймать луч солнца для своих красок, как это сделал он... И который уже раз художник призывает на помощь слово для полноты выражения своих чувств:

«Все небо было залито золотистой зарей и напоминало глазам теплый вечер юга. Только снег разбивал эту иллюзию и составлял полный контраст с небом. Он настолько ка-

зался голубым, что если бы художник написал такую картину, сказали бы: «Это неестественно и красочно!» На этом голубом фоне снега очень резко вырисовывался наш убогий чум. Вправо, одна за другой, тянулись и пропадали в бесконечной дали Болванские сопки. В этой картине было что-то неумолимо суровое и бесконечно прекрасное. Глядя на нее, мне хотелось бы бежать в эту таинственную чудную даль. Какое-то непонятное чувство наполняет душу: вместе и нежность, и грусть, и покорность, и любовь, и непреклонная воля, и сила — всё сливается в одно!!!¹⁾).

Неисчерпаемые богатства таит Большеземельская тундра. Нефть, каменный уголь, железо, пушнина, олени — всего не перечтешь. Но люди, населявшие этот край, и особенно вымирающая в то время народность, окрещенная «самоедами» (ненцы), жили под вечной угрозой голода. Какой-то энтузиаст Севера в конце XIX века привез в Петербург для показа образец так называемого «хлеба». Это была смесь мха, древесной коры и кала животных, замешанная на крови оленя. Таким «хлебом» питалось большинство жителей крайнего Севера, в том числе и ненцы. Зато для скупщиков, купцов, авантюристов доверчивые ненцы — настоящий клад. Их обманывали, спанвали водкой, а нередко просто грабили, отнимая ценную пушнину.

Вся жизнь ненца — в оленьих стадах. Его любовь к оленям трогательна и нежна. Когда от эпидемии погибали олени, то это делало ненцев совершенно беспомощными. Без оленей они вымирали целыми семьями. «С наивной простотой ненцы мне то и дело жаловались, — рассказывает Борисов, — что у них нет мхов для корма оленей... «Вот ты, Александр, поедешь в Питер, скажи царю, что мху у нас

¹⁾ А. А. Борисов. У самоедов.

нет, оленей нечем кормить, олени околевают. А олени околеют, и мы все померем...»¹⁾).

Бедняк-ненец ничем не защищен от злого ветра и 40—50-градусного мороза. Вся его жизнь проходит в дырявом чуме или даже под лодкой.

15 мая художник достиг Югорского Шара. Расстояние от Пустозерска до Югорского Шара пройдено за 40 суток. От Хайпутырской губы на лыжах он прошел около 200 верст.

Рассказывая о путешествии Борисова по Большеземельской тундре, нельзя умолчать и об его картинах. Все они выполнены с большим мастерством, простотой и естественностью, выражают величие и суровость мало знакомой нам, городским жителям, природы. Подойдем немного поближе к картине «При полуночном солнце». Красноватые солнечные лучи тепло освещают почти освобожденную от снега, но голую еще землю и небольшой деревянный сарай, где хранятся продукты... Вот и всё.

А сколько искренности, музыки. Вслушайтесь в нее, она переливается искрами редчайших тонов и оттенков. В. М. Васнецов в 1908 году в письме к Борисову писал об этой картине: «А это полуночное солнце, освещающее какую-то сиротливую сторожку. Печальное, умирающее солнце. И все это передано Вами в необычайных художественных формах и красках».

На острове Вайгач

Селение Никольское на Югорском Шаре занесено снегом. Здесь художник пробыл около недели, написал несколько этюдов, напек хлеба, насушил сухарей для перехода на остров Вайгач.

¹⁾ А. А. Борисов. У самоедов.

А. А. Борисов. «При полуденном солнце», 1898.

Ненцы называли Вайгач «Хэбэ ди-я», что значит Медвежья Земля. Сюда стекались ненцы со всех концов европейской и азиатской тундры для поклонения идолам. Весь остров был покрыт рыхлым снегом. Олени то и дело проваливались, путники рисковали затонуть в бесчисленных бурных ручьях и речках, текущих под снегом. Густой туман застилал глаза. На расстоянии 10 шагов ничего не было видно.

30 мая достигли Вороньего Носа, самой северной части острова. От мыса узким проливом отделен высокий Воронов остров. «Это страшная громада, высотой до 700 фут., ниспадает на север совершенно отвесно. К западу он спускается отлогим скатом, но на высоте 70 фут. снова обрывается и если бы не сугробы снега, по которым я карабкался на четвереньках, засовывая в снег голые руки по локоть, мне бы никогда не забраться на вершину острова...» ¹⁾. С Вороньего Носа за бесконечными льдами виднелась полоска Новой Земли.

Путь к Болванскому Носу лежал через овраги, речки и каменные утесы. Между сланцевых пород художник увидел груды идолов, здесь же были олени рога, черепа медведей. Пользуясь хорошей погодой, Борисов работал три дня подряд. «Меня охватил какой-то бешеный восторг, и я в возбуждении бегал от одного мыса к другому, от одного камешка к другому — хотелось всё увидеть» ²⁾.

Долго пришлось уговаривать ненцев-проводников показать главную святыню. Те, несмотря на просьбу художника, отказывались:

— Художник хороший человек, но чужой. Нельзя туда, божество разгневется!..

Через несколько дней один молодой ненец решил

¹⁾ А. А. Борисов. У самоедов.

²⁾ Там же.

вести художника туда, где дом «хая» (бога). Последняя преграда «хай-яга» (река бога) пройдена. На отвесной скале, между двух огромных камней, — идолы. Они лежат на известковых столбах, высоко поднятых вверх. Над пропастью образовалась арка — «Дом хая». Святилище было величественно в суровом окружении природы. Звуки ветра, залетая в бесчисленные расщелины и каменные воронки, недовольно гудели, пугая суеверного ненца.

На этом месте до Борисова не было ни одного путешественника.

Написав два этюда, художник вернулся к Вороньему Носу, затем — в обратный путь на Югорский Шар.

Холодный ветер пронизывает до костей. Серо и мрачно, но только проглянет солнышко, снова всё заживет и заиграет красками. Снова «жизнь полилась веселой рекой. Тысячи пернатых подхватили свою песню. Тут же в изумрудных водах океана шаловливо плескались тюлени, до поры до времени беззаботно показывая свои усатые мордочки и глянцевитые спинки. Ах как хорошо! Сколько поэзии, сколько очарования. Кажется, не оторвать бы глаз от этой красоты!..» ¹⁾).

Драма во льдах

...Представим себе сплошное поле льда, перерезанное трещинами и пропастями, или громады плавающих льдин, айсбергов, торосов самых причудливых, самых фантастических очертаний. Вот где затейливость рисунка! При солнце льды напоминают детский калейдоскоп, движимый неведомой силой. Перед глазами мелькают самые прихотливые, самые неповторимые цветовые пятна, бесконечное сочетание линий...

¹⁾ А. А. Борисов. У самоседов.

В первую поездку на Новую Землю Борисов не задавался целью писать ледники. Он был не подготовлен к этому. После путешествия по Большеземельской тундре он всю зиму 1899 года изучал специальную литературу по вопросам ледникового образования и истории оледенения. Весной, отвозя из Архангельска на Маточкин Шар материал для постройки дома, художник обследовал некоторые ледники Северного и Южного островов, лежащие близ Маточкина Шара. Не без опасности для жизни забирался в расщелины, гроты. Так появилась серия картин «Полярные ледники».

Во время заграничных выставок по этим картинам некоторые западные ученые, изучающие Север, писали статьи, вроде «Ледниковый период по картинам Борисова», «История оледенения и картины Борисова».

К осени в Архангельск прибыла построенная по чертежам инженера А. П. Фандервлита одномачтовая, легкая на ходу яхта. На ярко-красном поле борта яхты — поэтическое название «Мечта».

На оснастку судна, двухгодовой запас провизии, закупку необходимого оборудования для экспедиции нужна была большая сумма денег. Уверенный в успехе своих будущих работ, Борисов решил прибегнуть к помощи работодателя.

В середине августа 1900 года Борисов, зоолог Т. Е. Тимофеев и пять здоровых, выносливых матросов-архангельцев вышли на яхте «Мечта» на Новую Землю.

В становище Маточкин Шар их ожидал опытный проводник Устин Ханюков (Саялахэй), охотник-следопыт. Надо было успеть до заморозков сложить в заливе Чекина продукты и художественные материалы для предстоящей санной экспедиции.

Пролив Маточкин Шар забит мелким льдом, занесенным ветром из Карского моря.

Пробираясь извилистыми проходами между льдин, «Мечта» в первые двое суток делала по 10—12 километров. На третьи сутки льды настолько мешали продвижению, что ход яхты уменьшился до 3—4 километров. Наконец, через две недели 100-километровый пролив Маточкин Шар был пройден. Несколько дней потребовалось, чтобы войти в ледяной мешок Карского моря.

Всё грознее порывы ветра, всё плотнее завеса тумана — самого лютого, самого страшного из всех врагов.

Ощупью яхта идет вдоль северного берега, к заливу Чекина. На пятые сутки температура значительно понизилась. В воздухе закружились снежные вихри, и к полудню разыгралась настоящая пурга. Она набросилась на разом поникшую яхту. Вздрагивая всем корпусом, яхта начала медленно подниматься. Лед выдавливал суденышко вверх. Треск, скрежет, испуганные крики — всё слилось в протяжный яростный вой. Яхта «Мечта» была обречена. Спасая провизию и снаряжение, быстро нагроулили шлюпки и, впрягшись в ремни, поволокли их к берегу, с боем брали каждый шаг; ветер, снег хлестали в лицо, залепляло глаза. Кто-то крикнул, кто-то злобно выругался. Восемь пар глаз устремились вперед. Берег медленно отдалялся. Вся масса льда начинала двигаться к югу. Людям грозила смертельная опасность. Шлюпки брошены, только маленькая часть провизии второпях переложена на нарты.

... И снова метнулись вперед, вдоль линии берега. В страхе завизжали собаки. Устин попал на тонкий лед, собаки и проводник стали тонуть. Проводника вытащили, а пища, одежда — всё утонуло.

Наконец, вступили, как им казалось, на берег. Сил больше не было. Как по команде, повалились в снег... А проснувшись, увидели вокруг себя только море да толстые льдины, поднимающиеся над водой, подобно крыльям огромной птицы. Неподвижный лед, который вчера приняли за берег,

ночью оторвало. Нет воды, нет пищи, нет огня. Кругом только лед, море... «Всё подходило к концу, и наша жизнь тоже»¹⁾).

Утром на пятые сутки Устин, всматриваясь в мутную даль, закричал, показывая в сторону рукой: «Там собаки лают, я чую дым чума!». Потом сконфуженно сел, снова вскочил и несколько раз выстрелил в воздух. Послышались ответные выстрелы. Громкое «ура» восьми человек огласило воздух. Все бросились на край льдины. На большой ненецкой шлюпке близ реки Савина их перевезли на неподвижный лед. Это были Константин Вылко с сыновьями.

Больше чем на 200 километров к югу отнесло отважных путешественников от берегов Маточкина Шара. «Никогда в жизни не приходилось мне испытывать такого чувства, да и всем нам... Хотелось прыгать, плясать, бежать без конца и цели...»²⁾).

Кистью художника

Наступала долгая полярная ночь.

Писать на воздухе нет возможности. Приходилось довольствоваться наблюдением. Три месяца длилась ночь, три месяца не сходили с палитры черные краски.

Но вот будто кто приподнял закопченное стекло огромного фонаря, приподнял и испуганно опустил. На короткий миг осветились острые верхушки льдин, гор. Радостно забилося сердце. Солнце...

В апреле 1901 года Борисов, Тимофеев и проводник Устин санным путем почти неисследованным восточным берегом добрались до заливов Чекина, Канкринина, Незнаемого, Медвежьего и потом — до мыса Пяти Пальцев. На про-

¹⁾ А. А. Б о р и с о в. Крайний Север, Изогиз, 1931.

²⁾ Там же.

тяжении всего пути художник рассказывал в своих этюдах о маленькой экспедиции, о жизни трех смельчаков на берегу Карского моря.

Правдиво, избегая эффектов, передает художник природу Новой Земли, столь непохожую на природу средней полосы России, иногда оживляя ее фигурами собак, оленей, предметами экспедиции или чума.

Все лето работал художник на Новой Земле, передвигаясь с места на место. Осенью 1901 года экспедиция начальника гидрографического управления А. И. Вилькицкого сняла и доставила в Архангельск Борисова и зоолога Тимофеева.

В 1900-е годы России грозила потеря острова Новая Земля. В иностранной печати появляются статьи о незаинтересованности России в освоении островов. Впервые построенный С. О. Макаровым для Ледовитого океана ледокол «Ермак», несмотря на положительные результаты испытаний, ограничили водами Балтики. Проекты Менделеева, Макарова, Вилькицкого и других ученых о быстрейшем освоении пути из Северного моря в Тихий океан были забыты. Передовое русское общество было возмущено бездейтельностью правительства в этом вопросе.

... Задолго до выставки картин и этюдов Борисова о них говорил весь Петербург.

29 апреля 1903 года художнику было предложено вернуть свои работы в Белом зале Зимнего дворца. 1 марта, в назначенный час, выставку посетили царь со своей семьей и их приближенные.

Торопливой походкой Николай переходил от одной картины к другой. Безразличные голубые глаза не выражали ни интереса, ни любопытства. Перед большой картиной «Страна смерти» он остановился, зябко повел плечом и, переводя взгляд с картины на художника, не то спрашивал, не то отвечал сам на свой вопрос: «Кому нужна эта мерт-

вая страна?». Борисов попытался рассказать о Севере, о своих картинах, но Николай легким взмахом руки остановил его. Царь, казалось, был недоволен. Но у дверей Николай обернулся к художнику:

— Благодарю вас и желаю вам блестяще выполнить и вторую поездку.

В тот же день через Министерство финансов Борисову сообщили, что его большую картину «Страна смерти» их императорскому величеству благоугодно повелеть приобрести для музея императора Александра III¹⁾.

Выставки в Академии художеств и залах музея Александра III имели шумный успех. Картины вызвали много разноречивых толков. После доклада о Севере художник сам пояснял работы. Посетители, особенно студенты, интересовались природными богатствами земли, условиями жизни ненцев, их обычаями. Центром внимания было полотно «Страна смерти».

В этой картине Борисов продолжает разрабатывать найденный А. И. Куинджи красочный метод воздействия на зрителя сочетанием яркого света и темноты. Темное небо и догорающая заря, отражение ее лучей на глыбах льда создает впечатление тревоги, холода и жуткого кошмарного сна. Гигантские ледники давят человека. «Это воочию и в действительности существующий Дантовский концит», по выражению В. М. Васнецова²⁾.

По поводу картины «Страна смерти» Н. Пинегин³⁾ писал: «Борисов лгал! Необходимо показать всем, что такое Север. Это одна из привлекательнейших стран... Какая же это пустыня? Море и земля полны живых существ. Колонисты ловят рыбу в реке пудами. Здесь может жить человек. А пейзаж блещет светло-серыми и голубыми красками. Где

¹⁾ Правительственный вестник, 7 марта 1903 года.

²⁾ Письмо к Борисову от 11 января 1908 года.

³⁾ Н. Пинегин — исследователь и художник Крайнего Севера.

же борисовские черные тучи и небесное пламя, освещающее один голый лед? Нет, Север — прекрасная страна! Об этом должны говорить все...»¹⁾). Эти строки Н. Пинегин редактировал по своему дневнику перед Великой Отечественной войной. В это время отношения и взгляды исследователя на Север были уже иные, чем у Борисова, так как тогда Север являлся не заброшенным краем, а оживленным научным центром.

Пинегин посетил Новую Землю в 1910 году вместе с Седовым на корабле «Св. Фока», а Борисов, будучи пионером-художником и путешественником-одиночкой, психологически и исторически воспринял Север иначе, как заброшенный край, которым не желает интересоваться царское правительство. Вот потому в дневниках и записях Борисов с негодованием говорит о вымирании ненцев, об их невыносимой жизни, о поборах и обманах, с гордостью вспоминает поморов-смельчаков: Лошкина, Розмыслова, Пахтусова, Цивольку и т. д., отдавших свои жизни открытию северных земель. Борисов написал картину о Севере, типичном для своего времени. Художник не хотел, не думал оттолкнуть русского человека от исследования Севера, в чем его обвиняют, а наоборот, стремился заинтересовать сильных духом и телом людей, увлечь романтикой полярных стран.

Что касается названия картины, которым были особенно недовольны поздние исследователи Новой Земли, то необходимо вспомнить, что страной ужаса и смерти, страной страшных трагедий впервые назвал Север не Борисов, а Фритьоф Нансен. Художник озаглавил картину словами этого знаменитого полярника.

«...Во дворце недовольны картинами Борисова. Они скучны и неинтересны!» — передавали друг другу светские любители искусств. Великий князь Георгий Михайлович на

¹⁾ Н. Пинегин. Георгий Седов, Географиздат. 1950.

предложение Всероссийского географического общества приобрести коллекцию картин Борисова ответил: «Об этом надо подумать, я лично не люблю Севера, как уроженец Кавказа, но сейчас только о Севере и говорят. Картины без сомнения интересны, я поручаю это дело графу Дмитрию Ивановичу Толстому».

Почувствовав незаинтересованность двора к коллекции картин Борисова, Толстой, ссылаясь то на военное положение в России, то на малые средства музея, вежливо, но упорно отказывался от их покупки.

Жалуясь В. М. Васнецову на бездушие Академии к его картинам, Борисов писал (26 января 1901 г.): «Грустно до боли как-то становится на душе после всех этих безуспешных поисков... Невольно спрашиваешь себя, зачем и риск жизнью и отчаянные усилия, когда кругом видишь такое равнодушие. Много надо сил и здоровья, чтобы пережить то, что приходилось испытать нам во время нашего путешествия, но не меньше здоровья и твердости духа надо, чтобы перенести спокойно то равнодушие, которое нередко приходится мне видеть в Академии».

После выставок в Петербурге художник получил приглашение организовать выставку в Европе и Америке. Весной 1904 года Борисов уехал за границу.

Выставки за границей были крупным событием в художественной жизни. Впервые в истории живописи русским художником был показан Крайний Север. В Европе и Америке о Борисове много говорят, пишут, называют «русский Нансен», «северный Рембрандт», «полярный Давид». Газеты, журналы, художественная, критическая и специальная литература высоко оценивают работы художника.

В Париже выставку картин посетил президент Французской республики, в Лондоне — король Эдуард VII. В Вашингтоне выставку развернули в Белом доме президента. За выставку в Париже Борисов был награжден орденом

Почетного легиона, в Норвегии — орденом Св. Олафа II степени. Выставка побывала в Вене, Праге, Мюнхене, Берлине, Гамбурге, Кельне, Дюссельдорфе и т. д. Легендарный успех за границей заставил писать о работах художника и русскую прессу¹⁾. Следуя примеру Франции и Норвегии, царское правительство «пожаловало» Борису орден святого Владимира IV степени — «в воздаяние особых заслуг в исследовании Северного края и ознакомления с ним путем художественных произведений»²⁾.

Музеи Англии, Франции, Норвегии предлагали Борису купить его работы. Огромная сумма денег могла оказаться на чековой книжке у художника. Но Борисов отказывался от продажи, говоря: «Картины о русском Севере должны быть только в России». Б. Б. Голицын писал художнику: «...Вам предлагали выгодные условия для продажи Вашей коллекции за границу, но Вы не польстились этим заманчивым предложением, а остались верными своей Родине и не пожелали отдать свои сокровища в иностранные руки, совершенно справедливо полагая, что такая богатая, описательная коллекция картин должна остаться в нашем отечестве»³⁾.

Борисов не мог долго жить за границей, его тянуло в Россию. С 1904 по 1908 год он несколько раз ездил в различные города Западной Европы и Америки, куда пегеезжала его выставка, и снова возвращался на родину. «Душно там истинно русскому человеку, воздуху не хватает», — смеясь, говорил он своим друзьям, оправдывая свой очередной приезд.

Не забывал художник и свои родные места. Частым

¹⁾ Журнал «Новое время», газеты: «Русь», «Россия», «С.-Петербургские ведомости», «Русское слово» и т. д.

²⁾ Правительственный листок, 2 апреля 1906 г.

³⁾ Письмо Б. Б. Голицына от 6 марта 1905 г.

гостем он был в городе Вологде. Вместе с профессором Академии художеств А. Киселевым, вологодскими художниками и любителями живописи он принимает деятельное участие в организации «Северного кружка любителей изящных искусств» и, наконец, решает строить в Красноборске, Вологодской губернии, дом-мастерскую и окончательно переехать туда на постоянное место жительства.

Стремясь ближе ознакомить русский народ с богатством Севера, в Красноборске художник обрабатывает свои записи и дневники путешествий, подготавливая их к печати. Впоследствии книга «От Пинеги до Карского моря» была издана А. Ф. Дервиеном в Санкт-Петербурге.

В 1905—1906 годах Борисов работал над картиной «Полночь в августе в Ледовитом океане». Картина имеет много общего со «Страной смерти». Тот же темный напряженный колорит, заставляющий фосфорически светиться зеленоватые глыбы льдов, приближенных к прямоугольнику и квадрату. Но в целом картина «Полночь в августе» значительно выше, естественнее по композиции. Она лишена декоративной, режущей глаза, кровавой красноты и чувства человеческого бессилия перед природой.

В. М. Васнецов в своем письме к Борисову от 11 января 1908 года писал: «Картины Ваши действуют неотразимо: трудно забыть впечатление северной полуночи с ее печальной полосой малинового света среди темного неба, стройные беспощадные громады ледяных гор, ледяные безотрадные поля, почти черные облака... Великое художественное и патристическое дело сделали Вы, дорогой А. А.».

После шумного успеха картин Борисова за границей снова возбуждается ходатайство о покупке их для отдела этнографии музея Александра III. Снова с художником ведут переговоры и переписку чиновники музея. На покупке картин настаивают Географическое общество, художники, ученые.

В письме от 17 января 1908 года И. Е. Репин писал Борисову: «Наша великая Россия — представительница Севера. Если в Петербурге устраивается Этнографический музей, то в нем северный отдел должен занять самое видное и самое почетное место, а в этом отделе самой дорогой жемчужиной будет Ваша коллекция северных этюдов. Не говоря уже о художественности редких по своей трудности изображений, эти уники неповторимы и по времени и по месту, и ничего не может понизить их ценности. Если музей упустил эти перлы, он сделал непоправимую ошибку...»

С Репиным перекидается В. Васнецов (письмо от 11 января 1908 года): «Неужели теперь в Петербурге до такой степени выдохлась любовь к родной России, что все в ней значительное и интересное для него безразлично? Не за эту ли холодность просвещенного Петербурга ко всему родному так страшно и жестоко мы теперь наказуемся. Помимо художественного интереса, ввиду устраиваемого при музее этнографического отдела, Ваши картины должны быть в нем обязательно. Я, впрочем, не сомневаюсь и уверен, что картины останутся в России и именно в музее Александра III...».

На Вологодчине

Когда-то художник в своем дневнике писал: «Право, иногда едешь лунной ночью и думаешь себе, что едешь не тайгой, а среди какого-то гигантского античного храма, который весь заставлен множеством колоссальных мраморных статуй. Все время я собирался написать эту картину, да так и не собрался...» Теперь, построив в Красноборске дачу, художник до самозабвения отдался своему чувству. На несколько дней с ружьем и этюдником уходил он на лыжах в бескрайние вологодские леса, писал запорошенные снегом, словно «мраморные статуи», сосны и ели. Так были

написаны картины «Зимняя сказка», «Лес зимой», «Лесные дали», «Зимние грезы»¹⁾ и т. д.

Образ зимнего леса в картинах Борисова глубоко поэтичен. Это небольшие рассказы о богатстве русского Севера, когда воздух неподвижен и сух, словно звенящий от мороза. Лес погружен в глубокий сон. Радостное чувство бодрости и свежести наполняет человека перед этими картинами.

Художник избегает лишних деталей, крупными, выразительными мазками, удивительно просто по композиции, он пишет свои работы. В июне 1913 года новые работы вместе с полярными картинами и этюдами были показаны на выставке северных художников в Вологде, в доме торговца швейными машинами Шрама. После выставки картины и этюды вологодских лесов были подарены художником Вологде и хранились в фондах «Северного кружка любителей изящных искусств».

В борьбе

1914 год. Петербург. У подъезда дома князя Юсупова толпился народ. Здесь открылась последняя полная выставка картин Борисова. Подражая своему учителю А. И. Куинджи, художник задрапировал темным крепом стенд картины «Страна смерти», дал электрическое цветное освещение. Впечатление от картин было потрясающее. Снова Борисов заставил говорить о себе весь Петербург. Снова возбудили ходатайство о покупке картин для этнографического отдела. Государственная дума готовит законопроект о покупке полотен Борисова. В газетах и журналах пишут статьи о новом приобретении.

¹⁾ Картины находятся в Вологодском областном краеведческом музее и картинной галерее.

Однако директор музея Александра III Толстой высказался, что «фотографии, снятые с натуры по строго научной программе, дадут больше знакомства по изучению природы родины, чем этюды и картины талантливого художника, написанные с натуры»¹⁾).

В борьбу с невежеством сановных чиновников снова вступили Васнецов и Репин, выступил и вице-президент Русского географического общества Ю. Шокальский.

Тогда выступает декадентский журнал «Аполлон», грубо осмеивая не только художника, но и всех, кто настаивает на приобретении этой коллекции. «Знатоки живописи» из «Аполлона» решили крыть последним козырем — мнением Академии художеств. Но когда Совет Академии решил в пользу картин Борисова, то редакция журнала рукой А. Ростиславова писала: «Удивительно ли, что старушка Академия, обстрелянная со всех сторон, когда, наконец, все дело передали на ее заключение, спасовала...»²⁾).

Нападая на Борисова в духе капиталистической желтой прессы, критик Ростиславов не скупится на издевательства над личностью художника, обливая его грязью.

Травля хотя и отразилась на характере художника, но он не опустил рук. Его кипучая энергия требовала дела. Как знаток экономики Севера, Борисов пишет статьи о хищническом истреблении леса, об устройстве консервных заводов на Севере, о развитии оленеводства, о местных ископаемых богатствах, призывает соединить сеть железных дорог дальние северные уголки с промышленными центрами. Не бросил Борисов и живопись. Полнозвучный цвет, широкая, энергичная манера письма отличает пейзажи последних лет. Это живые куски природы. «Лес и речка», «Лес и цветы», «Ветряные мельницы», «Небо и

¹⁾ Газета «Речь» от 2 ноября 1914 года.

²⁾ Журнал «Аполлон», 1915, № 9.

море» по поэтичности и мастерству можно смело поставить в уровень с работами лучших русских пейзажистов.

В проекте северного железнодорожного пути Борисов предлагал правительству провести сеть железных дорог Обь — Котлас — Сорока, Котлас — Москва — Петербург и Котлас — Великий Устюг — Кострома. Трасса должна проходить вблизи к главным промышленным районам России и соединить их с богатым сырьем, но заброшенным краем. Спор о проекте затухал, снова разгорался, но решить так ничего и не могли.

Осенью 1918 года, когда на Северной Двине шли бои с интервентами и Красноборск оказался в зоне военных действий, Борисов ходатайствовал перед Северо-Двинским губисполкомом об эвакуации коллекции картин из дома, где он жил. Картины Борисова вывезли в Великий Устюг¹⁾, а художник был вызван в Москву с докладом на заседании Совнаркома о проекте северных железных дорог. «Признать направление линии железной дороги и общий план постройки правильным», — записано в решении Совета Народных Комиссаров.

В это же время Борисов разрабатывает проект местного курорта-санатория «Солониha», который и открылся в 1922 году.

В 1934 году Александр Алексеевич скоропостижно скончался от паралича сердца и похоронен в парке красноборской церкви. Все оставшиеся картины, этюды, рисунки он завещал Архангельскому краеведческому музею, а дом в Красноборске под санаторий для рабочих. Такова была последняя воля художника.

А. А. Борисов, унаследовав патриотические традиции передвижников, впервые в истории живописи отобразил

¹⁾ Коллекция картин А. А. Борисова послужила началом создания Велико-Устюгского краеведческого музея.

в своем творчестве заброшенный до революции наш Крайний Север с его суровой природой. Этим художник помог нам глубже почувствовать, понять, полюбить северную природу. Работы Борисова рассказывали не только о природе, но и о людях, о их тяжелой, безрадостной жизни. И в этом огромное значение творчества художника.

В некрологе группа художников правильно определила место творчества А. А. Борисова в советском искусстве: «...художник Борисов один из первых перешел на сторону Советской власти. Потому теперь над его могилой мы смело можем сказать, что это советский художник, правдиво отображавший окружающую его действительность, это советский художник, заставлявший свое искусство служить делу изучения и освоения новых земель нашего необозримого Социалистического отечества, это советский художник по своему художественному языку, и у него есть чему поучиться нашим молодым художникам, главным образом, полярникам» ¹⁾).

Хотя картины и этюды Борисова в наши дни занимают почетное место во многих музеях Советского Союза (Государственная Третьяковская галерея, музей Арктики, музей Архангельска, Вологды, Великого Устюга и т. д.), но имя художника — истинного патриота Севера — незаслуженно забыто. Его творчество ждет еще справедливой оценки.

¹⁾ Журнал «Творчество», 1934, № 12.
